

Н.Ю. Буровцева

Жизнь поэта

Кажется, что свой портрет Поэта Борис Пастернак писал с Федора Ивановича Тютчева. Каждая строфа — о нем.

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Тютчев и жил, и чувствовал, и мыслил как поэт. А между тем на звание поэта никогда не претендовал. Свои «поэтические упражнения» именовал «бумагомаранием», печататься не стремился, оценкой собратьев по перу не интересовался, даже стихов не собирал. Они были в письмах к родным и знакомым, их находили забытыми в книгах и деловых бумагах, на счетах и подорожных...

Весной 1836 года сослуживец Тютчева, ценитель его поэзии князь И.С. Гагарин из Мюнхена (где тогда служил Тютчев) привез в Петербург рукопись. Стихи попали к Пушкину, который и напечатал их в 3–4-м номерах своего журнала «Современник» под заголовком «Стихи, присланные из Германии» и за подписью — *Ф. Т.* Это была первая (не считая юношеского «Послания...») публикация в России. Сборник же поэта (ему шел тогда пятьдесят первый год) появился благодаря И.С. Тургеневу, взявшему на себя роль редактора и издателя.

По собственному признанию Тютчева, он тверже выражал свою мысль по-французски, нежели по-русски («во французском языке был таким хозяином, как никто в России и редкие из французов»); письма и статьи писал исключительно на французском, да и в жизни говорил в основном по-французски. Его первая жена, Элеонора, русского не знала,

вторая — Эрнестина, выучила язык только после приезда в Россию, специально, чтобы понимать стихи мужа.

«Условием всякого преуспевания таланта считается сочувственная среда, живой обмен впечатлений. А Тютчеву четверть века приходилось петь как бы в безвоздушном пространстве. Когда читаешь, например, его стихи, писанные к первой жене и к другим иностранкам, ни слова не зная по-русски, да едва ли подозревавшим в нем поэта, невольно спрашиваешь себя: для чего же и для кого он писал?» —

это слова первого биографа Тютчева И.С. Аксакова, мужа старшей дочери поэта — Анны. В стихах Тютчев пытался «высказать сердце», им он доверял свое самое сокровенное, задушевное, тайное. Стихи выливались из души, когда она переполнялась через край.

«Так однажды в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозчицких дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: “J’ai fait quelques rimes” [“Я сочинил несколько стихов” (*фр.*)], и пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение:

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимы,
Льетесь, как льются струи дождевые,
В осень глухую, порою ночной...

Здесь почти нагляден для нас тот истинно-поэтический процесс, которым внешнее ощущение капель частого осеннего дождя, лившего на поэта, пройдя сквозь душу, претворяется в ощущение слез и облекается в звуки, которые, сколько словами, столько же самою музыкальностью своей, воспроизводят в нас и впечатление дождливой осени, и образ плачущего людского горя... И все это в шести строчках!» —

этот эпизод рассказан И.С. Аксаковым.

Работа поэтической мысли Тютчева шла постоянно, но была скрыта от постороннего взгляда. Чувство, мысль, страсть накапливались исподволь, долго, и потом происходил внезапный прорыв молчания.

Однако так было не всегда. Порой Тютчев мучительно искал нужное слово. Например, стихотворение «Как хорошо ты, о море ночное...» известно в пяти вариантах, а 16 строк знаменитой «Весенней грозы» поэт хранил в своей душе четверть века (вариант 1828 г. доработан в 1854).

«Любовь пространства» и «будущего зов» Тютчев чувствовал как никто другой в русской поэзии XIX века. Он по-новому ощутил место человека в окружающем его мире. Человек — это не «центр мироздания», а всего лишь песчинка в океане Вселенной.

И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...

(«Святая ночь на небосклон взошла...»)

Ощущение богооставленности, «покинутости на самого себя» перед лицом «пылающей бездны»; осознание ничтожности притязаний разума и призрачности человеческой свободы — все это, внутренне пережитое Тютчевым, выливалось в стихи.

«Наследник XVIII века, дитя XIX, Тютчев принадлежит целиком нашему XX» — с этими словами литературоведа Льва Озерова, одного из лучших знатоков жизни и творчества поэта, нельзя не согласиться. Действительно, именно будущие поколения смогли оценить масштаб личности Тютчева и приблизиться к пониманию его поэзии. Об этом

свидетельствует хотя бы такой факт: если еще в 1920—30-е было сравнительно легко фиксировать упоминание строк поэта в печати и устной речи, то уже во второй его половине вести такой «учет» стало невозможным. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...», «Умом Россию не понять...», «Мысль изреченная есть ложь...» — все эти афоризмы принадлежат Тютчеву.

«Сосредоточенный на себе, на своих страстях и житейских драмах, лирик и вместе с тем историк, политик высокого склада. Такого сочетания русская поэзия еще не знала» (*Л. Озеров*).

Выйдя из университета и поступив в 1822 году на службу, Тютчев отправляется в Мюнхен. Там он оказывается у самого родника европейской науки, изучает историю, языки, философию. Способность читать с поразительной быстротой позволяла Тютчеву, при сравнительно небольшом количестве свободного времени, следить за европейской литературой, газетами и журналами. В эти годы он много переводит Гете, Гейне, Шиллера, Шекспира, Байрона. Философ Ф. Шеллинг, поэт Генрих Гейне составляют круг общения молодого человека.

Все знавшие Тютчева неизменно отмечали «утонченно-изящный европеизм всей его внешности» при необычайной «возделанности ума и вкуса». «Он уже одним своим присутствием мог бы быть полезен России. Таких европейских людей у нас перечесть по пальцам», — отзывается писатель И.В. Киреевский о двадцатисемилетнем Тютчеве. «Мы находились под очарованием этого диковинного ума», — восхищается барон Пфедфель, сослуживец поэта.

Тютчев — дипломат, политик, непревзойденный острослов светских гостиных. «Лев сезона» — так однажды назвал его поэт Вяземский.

Вы помните его в кругу его друзей?
Как мысли сыпались нежданные, живые,
Как забывали мы под звук его речей
И вечер длившийся, и годы прожитые!

Это строки из стихотворения А. Апухтина «Памяти Ф.И. Тютчева». Он говорит о том, что видел и слышал. В таком же духе писали о Тютчеве в стихах и прозе другие его современники.

Умнейший, исключительно образованный человек своего времени, европеец «самой высшей пробы», со всеми духовными потребностями, воспитанными западной цивилизацией. «Не получать каждое утро новых газет и новых книг, не иметь ежедневного общения с образованным кругом людей, не слышать возле себя шумной общественной жизни — было для него невыносимо» (*И. С. Аксаков*).

Но у этого человека была и другая, глубоко личная, скрытая от посторонних глаз, сторона жизни:

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных, —

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

«Его ум сверкал иронией, его душа ныла», —

пишет И.С. Аксаков. Он же дает такой словесный портрет поэта:

«Стройного, худощавого сложения, небольшого роста, с редкими, рано поседевшими волосами, небрежно осенявшими высокий, обнаженный, необыкновенной красоты лоб, всегда оттененный глубокой думой; с рассеянием во взоре, с легким намеком иронии на устах, — хилый,

немошный и по наружному виду, он казался влачившим тяжкое бремя собственных дарований, страдавшим от нестерпимого блеска своей собственной, неугомонной мысли».

Современники Тютчева понимали, что «он рассеял на ветер, в разговорах, сокровища своего ума и мудрости, еще быстрее забытые, чем распространенные...». После смерти Тютчева Вяземский высказал пожелание составить «Тютчевяну», некую «прелестную, свежую, живую, современную антологию...». Спустя почти полвека, в 1922 году, была издана такая книга, ставшая ныне библиографической редкостью. В нее вошли эпиграммы, афоризмы, остроты Ф. И. Тютчева.

Поэт покинул Россию, когда ему едва исполнилось 18 лет. 22 года — лучшее время своей жизни (счастье молодости, любви) — провел Тютчев вне родины. Тем более поражает трезвость взгляда этого человека на современную ему Россию; трезвость, соединенная с верой в великое будущее своего Отечества.

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.

И рядом — совсем другие строки:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

«В России канцелярии и казармы. Все движется около кнута и казармы» — слова юного Тютчева.

«Если бы я не был так нищ, с каким наслаждением я тут же бы швырнул им в лицо содержание, которое они мне выплачивают, и открыто порвал бы с этим скопищем кретинов...» — строки из письма жене 1854 г. Приведенные высказывания тем знаменательнее, что прозвучали из уст человека, который не только верой и правдой служил российскому государству, но и считался «монархистом». На посту председателя комитета иностранной цензуры Тютчев слыл за либерала и нередко вызывал недовольство властей. Однако «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса к печати не разрешил.

За свою долгую жизнь Тютчев был свидетелем многих «роковых минут» истории: Отечественная война 1812 года, восстание декабристов, революционные события в Европе 1830 и 1848 гг., польское восстание, Крымская война, реформа 1861 года, франко-прусская война, Парижская коммуна... Все эти события не могли не волновать Тютчева и как поэта, и как политика.

«Бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребенный, который внезапно приходит в себя. Но, к несчастью, мне даже не надо приходить в себя, ибо более пятнадцати лет я постоянно предчувствовал эту страшную катастрофу, — к ней неизбежно должны были привести вся эта глупость и все это недомыслие», —

из письма Тютчева времен Крымской войны (1853–1856).

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское, родное!» — восклицает поэт — и... пишет стихотворение, удивительное по силе ощущения красоты жизни:

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

(«Лето 1854»)

«Но быть живым и... до конца».

«В июле 1873 г. семидесятилетний Федор Иванович находился между жизнью и смертью. Когда пришел священник, Тютчев не мог уже исповедоваться — язык ему не повиновался. Совершив глухую и немую исповедь, он впал в беспамятство. Окружающие переглянулись. Казалось, наступил конец... Но неожиданно Тютчев открыл глаза и спросил: “Какие политические известия?” Он любил жизнь, движение, свет, звук. “Сделайте так, чтобы я немного почувствовал жизнь вокруг себя”, — попросил поэт родных перед смертью» —

так рассказывает Лев Озеров о последних днях Тютчева.

Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и в любовь, —

последние строки его последнего стихотворения.

В существовании человека на этой земле все рядом, все тесно переплетено и неразрывно связано: «радость и горе», «блаженство и безнадежность», «Самоубийство и Любовь»... И посреди «страстно ликующей, страстно тоскующей» жизни — душа человека, «жилица двух миров», «приросшая к земле», но тоскующая о небе:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

(«О вещая душа моя...»)

«На пороге как бы двойного бытия» — эта строчка — ключ ко всему Тютчеву.

Сам он оставался «живым до конца», и его поэзия учит, быть может, самому главному — мужественному приятию жизни:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Благодарение Тютчеву за бесценный дар — его поэзию.